

заехали ночью штабисты. Бог миловал. Как миловал и двух оказавшихся в кузове мальчиков. Как они туда забрались, никто не помнил. Старшего звали Алешей, а имя младшего Тамара Николаевна за давностью лет уже не помнит.

Более трех недель путешествовали они со штабом полка. Крепко подружились со многими штабистами и охраной. Но особенно привязались к «тете Тамаре», единственной женщине среди суровых бойцов и командиров. Да и она их полюбила, как младших братьев. Все понимали, что мальчишек надо куда-то пристроить. Пришло время расставания. Когда прощались, Алеша доверительно шепнул Тамаре, что он обязательно сбежит по дороге, найдет их дивизию и вернется к ней... И не думала, не гадала она, что почти через год встретится с одним из них, вернее, с памятью о нем.

А было так. Наши войска заняли польский город Люблин и немецкий концлагерь близ него. При первой же возможности штабные работники посетили эту юдоль горя и страданий. Ужасная картина предстала их взорам. Огромное пространство было огорожено в несколько рядов колючей проволокой. Как гнилые зубы во рту великана, торчали обгоревшие сторожевые вышки. Огромные железные ворота были сбиты. Множество бараков для обреченных. Печи крематория с черными провалами топок.

В одной из комнат лагерной комендатуры увидели огромное количество бумаг, рассыпанных на столах, подоконниках, на полу. Очевидно, палачи не успели их сжечь. Взгляд Тамары скользнул по этому бедлам и вдруг остановился на одной фотографии. Сердце глухо забило. Лицо мальчика на снимке было до боли знакомым. На Тамару смотрели темные глаза Алеши. Он стоял возле виселицы, и на его груди висела дощечка с надписью «партизан»... Тамаре сделалось дурно, закружилась голова. Но он ли это? Что-то смущало Тамару, не давало окончательно поверить, что возле виселицы стоит именно тот Алеша.

Волосы! До Тамары дошло, наконец, что именно их не хватало на снимке — черных, непокорных мальчишеских вихров. Видимо, палачи остригли мальчишку перед тем, как отправить на виселицу. Тамара сама видела в одном из бараков буквально, горы человеческих волос... В глубокой печали, едва сдерживая слезы, уходила полковая связистка из этого страшного места, называемого Майданеком...

А война продолжалась. Надо было делать повседневную работу по шифровке и рассекречиванию документов, передавать радио-

граммы. В военной круговерти, в том огненном смерче, в котором сгинул ее Алеша, черноголовый грачонок, маленький партизан большой войны, нашла Тамара свое счастье.

В феврале 1946 года Тамара Лубкова с несколькими боевыми наградами на гимнастерке приехала с мужем на его родину — в слободу Белую, где в трудах и заботах на ниве просвещения промелькнули такие долгие и в то же время такие короткие 50 лет. Всю свою мирную жизнь учила Тамара Николаевна беловских хлопчиков и девочек рисованию, черчению, гражданской обороне, начаткам медицинских знаний. А еще — гражданскому мужеству и патриотизму.

Время от времени рассказывала ученикам о двух мальчиках, встреченных ею в горящих лесах Белоруссии. И всякий раз переживала, как тогда, в Майданеке, когда случайно увидела Алешину фотографию. «А что случилось с другим, младшим, — часто и по сей день, думает она. — Жив ли он?» На этот вопрос жизнь не дает ответа.

Грустно становится бывшей отважной шифровальщице, и рука ее тянется к перу и бумаге, и рождаются безыскусные стихотворные строки, которые она время от времени публикует в районной газете «Псельские зори».

Вот такую историю поведала мне Тамара Николаевна Лубкова. Разве не подтверждает она высокую жизненность и правду замечательного рассказа Владимира Богомолова с коротким, как выстрел, названием «Иван»? Сама Тамара Николаевна не читала рассказа Богомолова, не видела фильм А.Тарковского «Иваново детство». Тем более удивительным стало для нее совпадение судеб ее Алеши с судьбой Ивана.

Р.Е. Гуляева

Война и дети (Чеченский синдром)

В 1995 г. я написала эту статью, потому что для меня дети всегда остаются детьми. И еще потому, что нам, взрослым, надо думать, как вырастить из них настоящих сыновей родины. Как и сейчас, тогда я размышляла о единой России, ибо единая Россия — это мир, а распри — это войны. Они бывают малыми и большими, но все равно в них гибнут сыновья.